

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации

Ивинского Александра Дмитриевича

«М.Н. Муравьев и русский литературный процесс 1760–1790-х гг.»,

представленной на соискание ученой степени

доктора филологических наук

по специальности 5.9.1 – Русская литература

и литературы народов Российской Федерации

(Москва, 2026)

Во второй половине XVIII века культура России становится все более литературоцентричной, причем формируются не только целый ряд показательных векторов стратегий писательских репутаций, но и определенная система писательских мифов.

По широко распространенной и поныне, но далеко не точной традиции, нередко принято считать на временной дистанции 1780–1810-х годов бесспорными лидерами происходящих новых процессов – лишь Н.М. Карамзина и Г.Р. Державина. Муравьевоведение длительное время, в силу, мягко скажем, неравномерности своего развития, не могло противопоставить этой тенденции достойный «контр-ответ», в последней четверти XX столетия уступив в науке и активно набирающим силу исследованиям о Н.А. Львове.

Между тем, еще от знаковых разысканий Л.И. Кулаковой и Гр.А. Гуковского 1930-х годов в классическом филологическом понимании (а в документально-художественном плане – и ранее, от мемориальных «похвальных слов» первой трети XIX века и дальше вплоть до «монографии в миниатюре» Н. Жинкина 1913 года) стало очевидно, что, в случае с творческой системой Михаила Никитича Муравьева мы имеем дело с явлением уникальным и многомерным, зачастую – смыслоопределяющим в истории отечественной литературной культуры 1770–1810-х годов.

Двумя «полюсами» в системе муравьевоведения, в пространстве меж которыми поиски исследователей протекали наиболее интенсивно, по праву следует признать два знаковых суждения: Гр.А. Гуковского (1938) и Вл.Н. Топорова (2001). В первом случае – о том, что Муравьев «более или менее учитель всех литераторов 1790-х годов», во втором – поэтичная концепция, констатирующая, что у М.Н. Муравьева – пятеро великих именитых защитников-наследников «перед духом-судьей российской словесности...»: «Предстателями за Муравьева перед духом-судьей русской поэзии и ее истории оказываются пятеро лучших – и более того – великих русских писателей с рубежа 70–80-х годов XVIII века по 20-е годы XIX – Державин, Карамзин, Жуковский, Батюшков, Пушкин...».

От 30-х годов XX века и по настоящее время, первой четверти XXI столетия, ключевые поиски «науки о Муравьеве», так или иначе, оказались сосредоточены в проблемных статьях, диссертациях и монографиях по следующим «энергетическим центрам»:

- Муравьев и его новации в лирической поэзии (это, сразу отметим, бесспорный филологический флагман!);
- Муравьев как самобытный автор прозы и ключевые открытия литератора в языке и стиле;
- просветительские и педагогические стратегии в наследии М.Н. Муравьева, а также система его философско-эстетических и историософских воззрений (именно в данной сфере с определенного времени появились и окрепли первые концепции о необходимости рассмотрения его творчества в общем контексте литературной культуры);
- М.Н. Муравьев и античность (с определенной степенью расширения – и как проблема диалога писателя с западно-европейской словесностью), равно как и базовые для такого «среза рассмотрения» представления о Муравьеве-переводчике;

- эксперименты писателя в драматургическом роде (это – одно из относительно молодых направлений научных разысканий специалистов).

При всем этом, дробность анализа в «науке о Муравьеве» и поныне, к 20-ым годам XXI века, оставалась очевидной, необходимость комплексного рассмотрения все более остро ощущалась.

В этом отношении диссертационное исследование Александра Дмитриевича Ивинского чрезвычайно показательное и опирается на разветвленный базис актуальности.

Сразу отметим в общем композиционном замысле ученого заслуживающий уважения феномен двухтомной диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук, в лучших традициях академической науки, от порубежья XIX–XX веков к 1970-ым годам.

Еще фундаментальные разыскания создательницы муравьевоведения Л.И. Кулаковой очевидно и бесспорно выявили многомерность и чрезвычайную обширность муравьевских архивов, однако, и вплоть до знакового трехтомника Вл.Н. Топорова самого начала 2000-х годов!, оставалась налицо тенденция достаточно избирательного и «по отдельным векторам» обращения исследователей-гуманитариев (прежде всего – филологов и историков, включая и недавнюю монографию Е.В. Кунца: «М.Н.Муравьев: реформатор, попечитель, наставник, поэт» (2018)) к системе сохранившегося в отрядной целостности архива М.Н. Муравьева.

А.Д. Ивинский, в ходе многолетнего научного поиска, справедливо пришел к необходимости наиболее адекватной систематизации находок – вынеся всё в специальный второй том рецензируемой докторской диссертации. Уже здесь видим мы многомерность подхода исследователя, выявляющего три смыслоносущих направления в архивной системе М.Н.Муравьева: эпистолярный – поэзия – драматургия. В случае с первой из обозначенных сфер, налицо, в том числе и по убедительной количественной статистике объема вводимого в науч-

ный оборот материала, еще один уровень новизны выходящего на защиту исследования (объем текстов – около 450 страниц!).

Пятиглавие основного первого тома охватывает все основные направления новаций писателя: от формирования нового мировоззрения в литературной культуре – через процессы генезиса и эволюции уникальных «семейно-личностных стратегий» в эпистолярной (глава 1) – к ключевым проблемам историософских и лингвистических воззрений писателя-гения (главы 4 и 5, соответственно). Чрезвычайно примечательна в последней из названных нами областей диссертации четвертая глава, где Михаил Никитич Муравьев поставлен в один ряд с Екатериной Великой и своим много более официально «успешливым» современником, Николаем Карамзиным – как создатель новой национально-исторической доктрины России.

Главы вторая и третья, соответственно, фокусируют свое движущееся внимание на таких двух флагманах литературной культуры России последней четверти XVIII века, как феномены переводов и театра. Таким образом, абсолютно налицо неоспоримая «кольцевая» многомерность видения проблемы в представленном диссертационном исследовании.

Заходя несколько вперед, отметим, что, по прочтении всей диссертации, вырисовывается такая триада ведущих идеологом концептосферы М.Н. Муравьева на всем пространстве «пятиглавия» основного первого тома: «Творчество – Россия – Мир» (второе и третье мировоззренческие понятия кульминации достигают, соответственно, в главах 4 и 5). Эта триада, кстати, обнаруживает интересные диалогичные возможности соотнесения и с классическим триединством историософии века Екатерининского Просвещения «Православие – Самодержавие – Народность».

Но: вернемся к разбору диссертационного полотна А.Д. Ивинского в порядке логической последовательности.

В четком и выверенном методологическом аппарате Введения Александр Дмитриевич сразу сосредотачивает внимание и на ключевых теоретических платформах своей концепции: его задача – через зеркало стратегий екатерининской эпохи:

- создать научную биографию М.Н. Муравьева,
- комплексно рассмотреть личность и творчество литератора в контексте культурной политики и ее механизмов к последней трети XVIII века,
- определить смыслы динамики ключевых интеллектуальных процессов того времени (С.4–5).

В итоге выявлено и важнейшее филологическое ядро идеологии той эпохи – формирование и развитие литературного текста как «средства культурного посредничества, нормирования и идеологического конструирования» (С.5). В конечном счете, далее это доказательно приводит к четкой формуле «Теоретической значимости» предпринятого исследования, заключающейся в опыте воссоздания и описания моделей культуры екатерининской эпохи (С.12).

В последующем вводном изложении основного аппарата целей и задач примечательным нам видится и еще одно очень перспективное суждение А.Д. Ивинского – о том, что не только признанному уже несколько веков Н.М. Карамзину, но и искомому гению М.Н. Муравьева принадлежит честь обоснования и продвижения в Екатерининскую эпоху союза литературной культуры и политики (С.8).

Рефрен выявления «опережающего новаторства» сохраняется в идеологемах диссертационного исследования и далее, логично расширяясь вместе с материалом. Так, осуществленную М.Н. Муравьевым реформу оды исследователь ставит в один «ранг» с державанскими знаменитыми открытиями и достраивает «треугольник», соотнося лирико-философские искания двух поэтов-современников с одной из «сверх-задач» культурной политики Екатерины Вто-

рой (в диссертации – от С.10 Введения к параграфу 2 главы 1: С.133–135 и далее).

Все отмеченное, наконец, не могло не привести и еще к одному знаковому фокусу исследовательского внимания в диссертации, а именно: концептуальному выявлению системы деятельности М.Н. Муравьева в литературной культуре своего времени, «под знаменателем» «институциональных инициатив» Екатерининской эпохи, равно как и коммуникационных и протекционных сетей (в последнем случае – чрезвычайно много дает подобный подход и такому отмеченному нами выше руслу рассмотрения в муравьевоведении, как: «просветительские и педагогические стратегии в наследии М.Н. Муравьева»).

Как во Введении, так и в конкретном ансамбле глав диссертационное исследование А.Д. Ивинского отличается очень перспективной полифонией регистров, от обширно-выверенных контекстов (как имена и творческие системы литераторов, современников М.Н. Муравьева, так и достижения эволюционирующей «науки о Муравьеве», равно как и исследований, посвященных литературной культуре той, приоритетно – Екатерининской, эпохи) – до детально-текстологических погружений в редкие, вводимые в научный оборот, материалы (заслуживает уважения и полномасштабное включение такого рода текстов в основной корпус глав диссертации). В последнем случае, отметим также сразу, красиво убедителен еще и выстраиваемый А.Д. Ивинским «полилог» архивов: к примеру, через эпистолярный М.Н. Муравьева как систему сохранились материалы творческого наследия В.В. Ханыкова и Дм.И. Хвостова.

Начиная с первых же страниц первого раздела прологовой первой главы диссертантом выбран глубоко продуманный и очень органичный Явлению Муравьева в отечественной литературной культуре феноменологический личностный подход. На обширнейшем базисе 500 источников из муравьевского эпистолярного, Александр Дмитриевич четко, доказательно и типологически концептуально прослеживает главную «линию»: диалектику и динамику соотношения

камерного «семейно-домашнего» аспекта бытия писателя – и все более заметно расширяющиеся от десятилетия к десятилетию сферы его влияния «на развитие просвещения и культуры в стране» (С.22).

Приоритетно важна и такая установка исследователя, как «восстановление лакун умолчания», что делает рецензируемую диссертацию очень заметным событием и в плане реконструкции личностной и творческой биографии Муравьева. Вкратце мы уже отметили это в общих чертах и выше, здесь отошлем на один конкретный, наиболее примечательный пример – феномен первой половины 1780-х годов в муравьевском жизненном пути (в работе – от С.30 и далее).

Обширные регистры контекстового подхода дают А.Д. Ивинскому концептуальную возможность выстроить и еще один «вспомогательный вектор» концепции своего исследования: он рассматривает суждения М.Н. Муравьева – от «набросков» в эпистолярной к итоговым критико-философским статьям – параллельно соотнося этот полифоничный и полидинамичный материал как с общими стратегиями литературной культуры той эпохи (в том числе – лидирующими мировыми), так и с контекстом эволюционирующего муравьевоведения: от первой четверти XIX века – к настоящему времени первой четверти столетия XXI-го. На наш взгляд, эта модель органична и даст новые глубокие продуктивнейшие итоги и при возможном комплексном анализе всего пространства русской литературы, как минимум – от времен В.К. Тредиаковского и М.В. Ломоносова к новациям А.П. Чехова, движущегося уже в Серебряный век.

Из более локальных, но рефранных новаций, прослеживающихся на различных уровнях диссертационного исследования А.Д. Ивинского, не можем не отметить и любопытную гипотезу о существовании в пестрой палитре направленных предпочтений М.Н. Муравьева – особого, «авторского» классицизма, ярко заявляющего себя в том числе в практике художественного перевода (в главе 2, С.234–236 и некоторые другие).

Вопросы и размышления:

А. Контекстовые:

1. При бесспорной концептуальной целостности и обширнейшей панорамности обращения Александра Дмитриевича к картине генезиса и эволюции муравьевоведения, от первых посмертных панегириков первой трети XIX века – до системных статей, монографий и диссертаций первой четверти XXI столетия, вызывает вопросы отсутствие (за исключением одной поздней статьи 2013 года, чей критический разбор представлен на С.127–128, а полное описание – в итоговой библиографии к диссертации) в поле его внимания исследований С.А. Сионовой, ученицы В.А. Западова, посвятившей специальную кандидатскую диссертацию предромантическим стратегиям поэзии писателя («Поэзия М.Н.Муравьева (К проблеме становления предромантизма в русской литературе второй половины XVIII века)», Елец, 1995) и создавшей целый ряд знаковых для науки о Муравьеве статей в 1980–2010-е годы. Помимо этого, нами, уже после ухода Светланы Александровны, в рамках нашей конференции «Михаил Муравьев и его время», была подготовлена, издана и закреплена в системе РИНЦ итоговая ее монография – ««Союз разумных и добронравных» (книга статей о русской литературе XVIII – начала XIX вв.)», Москва, 2023).

Помогло бы уважаемому диссертанту еще отчетливее прояснить свою исследовательскую позицию и обращение к таким определившим в свое время целые направления исследовательским статьям, как у О.А. Яценко (вопрос о М.Н. Муравьеве-педагоге), О.П. Лопутько (где Муравьев предстает «соревнователем» Карамзина по реформе языка и стиля российской литературной культуры), И.Ф. Мартынова (в центре внимания – Михаил Никитич как читатель; кстати, это удачно соотносимо с названными уважаемым диссертантом разысканиями А.И. Любжина и его единомышленников).

Вот эти источники:

Яценко О.А. «Незабвенное имя для сердец благородных...»: М.Н. Муравьев и его воспитанники // ... И в просвещении стать с веком наравне... СПб., 1992. С. 104–117.

Яценко О.А. Наставник и воспитанник (М.Н. Муравьев и К.Н. Батюшков) // Педагогика. 1992. № 11–12. С. 66–70.

Лопутько О.П. Стилистическая реформа М.Н. Муравьева – Н.М. Карамзина в гносеологическом аспекте // Филологические науки. 1994. № 5. С. 66–75.

Мартынов И.Ф. Библиотека и читательские дневники М.Н. Муравьева // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1980. Л., 1981. С. 48–62.

В завершение – и немного «о себе»: кроме «чисто муравьевской» диссертации, автор данного отзыва сохранил подробную «муравьевскую линию» и в своей докторской диссертации 2005 года «Жанрово-тематические модификации поэзии русского сентиментализма и предромантизма в свете категории Возвышенного», рассмотрев становление мировидения писателя в контексте стратегий философской эстетики той эпохи.

2. На наш взгляд, интересно и перспективно говорить о соотношении стратегий М.Н. Муравьева в литературной культуре не только с Екатерининской эпохой (пусть она и бесспорный лидер), но и с Павловским временем (соратник и друг Муравьева, Н.А. Львов, именно в недолгое царствование Павла Первого вышел на новые рубежи союза культурной политики), а частью – и с новыми тенденциями становящегося «дней Александровых прекрасного начала» (по крылатому выражению А.С. Пушкина). В начале царствования своего питомца, Михаил Никитич, особенно, конечно, – на высоте должности товарища министра народного просвещения, вышел к новым, итоговым для себя рубежам, в том числе приняв деятельное участие в реформе образования и, что для нас приоритетно важно, оформив систему документов, необходимых для рождения alma mater автора этих строк – Казанского университета (символично, в библиотеку нашего университета было направлено просветителем, «крестным

отцом», в 1805 году и несколько книг, одна из них, собственного сочинения, сопровождена и специальной дарственной надписью!).

В любом случае, поскольку Александр Дмитриевич Ивинский пока ограничил хронологические рамки своего панорамного рассмотрения 1790-ыми годами, изучение, вне сомнений, может и должно быть «пролонгировано» в направлении к 1800–1810-ым годам, к истокам Золотого века русской словесности и литературной культуры.

Б. Конкретно историко-литературные:

1. Допустимо ли говорить о «векторах влияний» на жизнь, взгляды и творчество М.Н. Муравьева таких «полюсов» литературной культуры той эпохи, как Н.И. Новиков и Н.А. Львов – говорить именно как о системе, а не только о точках личных дипломатических контактов? И если да – какие, на видение уважаемого автора труда, наш литератор вынес мировоззренческие уроки из этого? Вопрос в вопросе: можем ли мы теперь, на основе новых материалов, говорить о значимом в определенной степени совлании М.Н. Муравьева и И.И. Хемницера (от С. 105 и далее встречается в диссертации несколько упоминаний этого одного из самых «нежно дружеских» участников знаменитого кружка Львова)?

2. Локальный, на первый взгляд, материал раздела 1.3 – о феномене стихотворения «Живописец» и его нескольких вариациях (С.147–161), но особенно – концептуальный последующий раздел 1.4 – об одной из самых «мифологических загадок» Муравьева-лирика, рукописи-конволюте «Записная книга» (С.162–183) подводят нас к тому, чтобы задать диссертанту еще один сквозной, и для муравьевоведения во многом «рефренный», вопрос: какие жанровые стратегии были для Муравьева в лирике наиболее приоритетными на путях синтетических жанровых автоопределений – и почему? Полемика на сей счет, заметим, идет еще от исследований В.А. Западова (1980-е гг.), первым заострившего

эту полемическую проблему на примере муравьевской элегии «Сожаление младости».

3. «Побудительным эпицентром» следующего вопроса выступает глава 2 – о деятельности и творческой системе М.Н. Муравьева как переводчика-просветителя (конкретнее – срединный второй раздел 2-ой главы: С.207–308): был ли для литератора актуален острый в недалеком будущем момент «диалога-противостояния» древнегреческой и древнеримской традиций при восприятии Россией наследия античности?

4. И, наконец, глава третья (С.371–406), выступая логичным продолжением смысловых этапов глав 1 и 2, подводит нас к следующему вопросу: Какова динамика жанровых предпочтений Муравьева в драматургии? И можно ли говорить о диалектике сформировавшегося еще в «поле» эпистолярного соотношения внутренних личностных убеждений – и предпочтений общественных установок литературной культуры? Иными словами: был ли у Михаила Никитича жанр – «любимец души» и жанр «по советам учителей»?

В заключение «посыла к вопросу» отметим, уже в жанре близящегося к завершению «приветствительного слова» (как у Ф. Прокоповича), чрезвычайно любопытную и знаково-продуктивную гипотезу Александра Дмитриевича – о полифонии жанрового синтеза в драматургии Муравьева: взаимосвязь жанров трагедии и героиды (см. С.371–372 и далее) пока еще в муравьевоведении отчетливо никто не выявлял!

Картина апробации полученных результатов диссертационного исследования академически представительна и обширна: 60 международных конференций различной географии, одна полновесно авторская монография и несколько коллективных, 22 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ. Особо выделим пять международных публикаций А.Д. Ивинского (Италия, Германия, Польша и ряд др.).

Диссертационное исследование Александра Дмитриевича Ивинского не только может и должно быть рекомендовано к опубликованию в жанре классической научной монографии, но и станет, бесспорно, отправной точкой для целой серии работ его преемников: в первую очередь здесь – как ценнейшая энциклопедия вводимых в научный оборот новых архивных материалов из обширнейших Муравьевских фондов.

Не можем в заключение не отметить и отточенный стиль научного изложения в диссертации Александра Дмитриевича Ивинского – стиль, сочетающий в себе логичность, эрудицию и риторико-полемические пласты; последнее дает изучающему труд оппоненту / рецензенту, равно как и шире – искушенному эрудированному читателю-гуманитарию, показательную возможность и следить за ходом развертывания мысли уважаемого диссертанта – и вместе с ним постепенно все более погружаться в мир Михаила Никитича Муравьева и в атмосферу его эпохи.

По избранному объекту исследования, а также методам его системно-комплексного изучения диссертация Ивинского Александра Дмитриевича всецело соответствует паспорту специальности 5.9.1 – Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

Настоящим свидетельствую, что диссертация Ивинского Александра Дмитриевича «М.Н. Муравьев и русский литературный процесс 1760–1790-х гг.» представляет собой значимое самостоятельное завершенное научное исследование, полностью отвечающее нормативам актуальности, научной новизны, теоретической ценности и практической значимости, соответствует критериям Постановления Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 (ред. от 16.10.2024) «О порядке присуждения ученых степеней» (вместе с «Положением о присуждении ученых степеней») (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025), а ее автор, вне сомнений, заслуживает присуждения искомой степени доктора филологических

наук по специальности 5.9.1 – Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской литературы и методики ее преподавания Института филологии и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Пашкуров Алексей Николаевич

«15» июля 2026 года

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Адрес: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18.

Тел.: +7 (843) 939-29-03

Электронная почта: public.mail@kpfu.ru

Сайт: <https://kpfu.ru>

СВЕДЕНИЯ ОБ ОФИЦИАЛЬНОМ ОППОНЕНТЕ

по диссертации Ивинского Александра Дмитриевича
«М.Н. Муравьев и русский литературный процесс 1760–1790 гг.»
на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.1. – Русская литература и литературы народов Российской Федерации

ФИО оппонента (полностью)	Пашкуров Алексей Николаевич
Гражданство	Российская Федерация
Ученая степень (с указанием шифра специальности научных работников, по которой защищена диссертация)	Доктор филологических наук; 10.01.01 – Русская литература
Ученое звание	Профессор
Место работы	
Полное наименование организации в соответствии с уставом	ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) Федеральный университет
Наименование структурного подразделения	Кафедра русской литературы и методики ее преподавания Института филологии и межкультурной коммуникации
Должность	Профессор кафедры русской литературы и методики ее преподавания
Почтовый адрес	420029, Республика Татарстан, Казань, ул. Попова, д.14, кв.19
Официальный сайт	
Контактный телефон	89178674307
E-mail	anp.72@mail.ru
Дополнительные сведения	Заместитель Председателя Зонального объединения литературоведов Поволжья; Заместитель председателя Диссертационного Совета КФУ.059.1

Список основных публикаций за последние 5 лет по теме диссертации соискателя:

1. Пашкуров А.Н. М.Н. Муравьев и литературная культура: Диалог восприятий: научная монография. - Казань: Изд-во Казан.ун-та, 2019. – 198 с.
2. Пашкуров А.Н. Русская литература XVIII века и вопросы «срединной культуры»: Некоторые аспекты: научная монография. М.: «Флинта», 2023. 132 с.
3. Пашкуров А.Н., Шамаева Д.М. Аксиологические горизонты «слёзной драматургии» М.М.Хераскова (220-летию Казанского университета посвящается...): научная монография. – М.: ФЛИНТА, 2024. – 96 с.
4. Екатерина II и русская литература: коллективная монография / Отв.ред. А.Д.Ивинский. – М.: ИМЛИ РАН, 2024. – 512 с.
5. Пашкуров А.Н., Разживин А.И., Федосеева Т.В. Поэтика Г.Р. Державина в аксиологическом аспекте: научная монография / науч.ред. О.М. Буранок. — Москва: ФЛИНТА, 2026. — 180 с.
6. XVIII век: День и ночь в литературе и искусстве эпохи: Коллективная монография / А.Н. Пашкуров, А.И. Иваницкий, Т.А. Алпатова, Т.Е. Автухович и др. / Под ред. Н.Т. Пахсарьян. – СПб.: Алетейя, 2025. – 394 с.
7. История русской литературы XVIII века: учебник: в 2 ч. Ч.1 / А.Н.Пашкуров, А.И.Разживин. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2024. – 5-ое изд., расшир. и доп. – 408 с. ; История русской литературы XVIII века: учебник: в 2 ч. Ч.2 / А.Н.Пашкуров, А.И.Разживин. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2024. – 5-ое изд., расшир. и доп. – 556 с.
8. Пашкуров А.Н. Предромантизм в русской литературе: Истоки, развитие и уроки: Учебное пособие. – М.: «Флинта», 2023. – 112 с.
9. Аксиология русской «слёзной драматургии» (На материале пьес М.Н.Муравьева) / А.Н.Пашкуров // Духовно-нравственные основы русской литературы: сборник научных

- статей / науч.ред. Н.Г.Коптелова, отв.ред. А.К.Котлов. – Кострома: Костромск.гос.ун-т, 2020. – С.30-34
10. A.N.Pashkurov, A.I.Razzhivin, A.D.Sesorova, I.Yu.Dulalaeva THE PROBLEM OF PLASTIC BEAUTY IN THE PHILOSOPHICAL CONSCIOUSNESS OF RUSSIAN LITERARY CULTURE AT THE TURN OF THE 18-TH -19-TH CENTURIES // Utopia y Praxis Latinoamericana. № 25. Extra 5. 2020. PP.221-234 (ISSN13155216-Venezuela-Scopus) (статья в издании БД Scopus)
 11. М.Н.Муравьев и его послания сентименталистам (страничка карамзинского времени) / А.Н.Пашкуров // Карамзинский сборник. Николай Карамзин и его современники: сб.материалов Всеросс. науч.-практ.конф. «Карамзинские чтения» (Ульяновск, 12 декабря 2019 г.) / Дворец книги – Ульяновск.обл.науч.библиотека им.В.И.Ленина; Ульяновск.гос.пед.ун-т им. И.Н.Ульянова; отв.ред. О.Н.Даранова. – Ульяновск: ООО «Изд-во «Корпорация технологий продвижения» », 2020. – С.68-72
Ссылка: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44304861>.
 12. A.N.Pashkurov. Civilization Rescue Strategies: Enlightenment Realism and Its Projects / A.N.Pashkurov // REVIEW OF INTERNATIONAL GEOGRAPHICAL EDUCATION. ISSN: 2146-0353. 11(9), SPRING, 2021. PP.1838 – 1847 (статья в издании БД Scopus)
 13. A.N.Pashkurov, S.A. Vasilyev, R.A. Bakirov/ TYPOLOGY OF PRE-ROMANTIC MELANCHOLY POETICS FROM THE PERSPECTIVE OF CONTEMPORARY PHILOSOPHICAL CONSCIOUSNESS // Res Militaris. Vol.12. No 3 (2022) // <https://resmilitaris.net/menu-script/index.php/resmilitaris/article/view/1053/843> (статья в издании БД Scopus)
 14. Пашкуров А.Н. Предромантическая танатология в русской поэзии рубежа XVIII-XIX веков как мировоззрение // Philologos. 2023. Вып.2 (57). С.39-45 (статья в издании, рекомендованном ВАК РФ)
 15. Пашкуров А.Н. Идея Наставничества в "Мыслях, замечаниях, отрывках" М.Н.Муравьева // Михаил Муравьев и его время: Сборник статей и материалов Восьмой Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Под ред. И.В.Завьяловой, А.Н.Пашкурова, А.Ф.Галимуллиной. - Казань: РИЦ "Школа", 2023. - С.33-38
 16. Пашкуров А.Н. Миф России в «Разговорах мертвых» М.Н.Муравьева // Филология и культура. 2024. № 5. С.170-175 (статья в издании, рекомендованном ВАК РФ).
 17. Пашкуров А.Н. Ночные светила в меланхолической лирике русского предромантизма // Русская словесность. 2025. № 1. – С.54-57 (статья в издании, рекомендованном ВАК РФ)
 18. Пашкуров А.Н., Буранок О.М. РУССКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ ОДА В ЗЕРКАЛЕ ПОЭТИКИ ВОЗВЫШЕННОГО (обзорная статья) // Слово. Текст. Контекст. 2025. № 4. С.85-103 (статья в издании, рекомендованном ВАК РФ)
 19. Пашкуров А.Н. «Ночная» поэзия русского предромантизма в фокусе «срединной культуры» // Вестник Рязанского государственного университета им.С.А.Есенина. 2025. № 4 (89). С.84-90 (статья в издании, рекомендованном ВАК РФ)
 20. Пашкуров А.Н., Слепухина Т.О. Синтез документального и художественного в литературно-критическом трактате М.Н. Муравьева «Рассуждение о различии слогов высокого, великолепного, величественного, громкого, надутого» / Слепухина Т.О., Пашкуров А.Н. // Филология и культура. 2025. № 4. С.218-224 (статья в издании, рекомендованном ВАК РФ)
 21. Пашкуров А.Н., Бакиров Р.А. Неизвестное стихотворение М.Н.Муравьева / Р.А.Бакиров, А.Н.Пашкуров // Русская литература. 2026. № 2. С.242-244 (статья в издании БД Scopus, WoS; ВАК РФ)

Подпись

Печать

